

ELSEVIER

Available online at www.sciencedirect.com

ScienceDirect

Russian Literature 120–121 (2021) 71–94

Russian Literature

www.elsevier.com/locate/ruslit

“МУЧЕНИЦА СТРАСТОТЕРПЕНИЯ”: КУЛЬТУРА НА
ГАЗЕТНОЙ ПОЛОСЕ ИСТОРИИ В 1917-1918 ГГ.
(ОТ РЕЧИ ДО НАШЕГО ВЕКА)
 (“MARTYR OF PASSION”: CULTURE ON THE
NEWSPAPER PAGE OF HISTORY IN 1917-1918
(FROM *RECH’* (SPEECH) TO *NASH VEK* (OUR AGE))

А. А. ХОЛИКОВ, О. А. КОРОСТЕЛЕВ †
(ALEXEI KHOLIKOV, OLEG KOROSTELEV †)

aakholikov@gmail.com

Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
(IMLI RAN). Lomonosov Moscow State University (MSU)

okorostelev@mail.ru

Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
(IMLI RAN). Lomonosov Moscow State University (MSU)

Abstract

This article focuses on the cultural policy of the daily newspapers of the revolutionary era, with special attention to the articles published in 1917-18 in the Cadet newspaper *Rech’*, which was repeatedly closed by the Bolsheviks and reopened under new names – *Nasha rech’* (*Our Speech*), *Svobodnaia rech’* (*Free Speech*), *Vek* (*Century*), *Novaia rech’* (*New Speech*), *Nash vek* (*Our Age*).¹ Even at the most critical moments of history, *Rech’* consistently paid attention to literature, theater, architecture, painting, science and education. With its wide scope of cultural news, *Rech’* was “one of the most important liberal organs in the Russian periodical press system”, according to contemporary researchers, and remained its most representative and progressive socio-political publication. Now, a century

<https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2021.05.004>

0304-3479/© 2021 Elsevier B.V. All rights reserved.

later, the *Rech*' newspaper deserves recognition as a very important source for the comprehensive study of its period, since it represented a force that in the years 1917-18 prevented the premature death of culture.

Keywords: *October Revolution; Periodical Press; Rech'; Cultural Policy; Journalism; D. Filosofov*

Роль газет в изучении российской общественно-политической жизни революционной поры первостепенна. Однако до сих пор не во всей полноте освещена культурная повестка, получившая публицистический отклик на страницах ежедневных и еженедельных периодических изданий времен Февральской и Октябрьской революций.

Репутацию наиболее *культурной* газеты рассматриваемого периода заслужила кадетская *Речь*. Эта черта оставалась неизменной при всех поворотах истории, которых в судьбе *Речи* было немало. Газету не раз приостанавливали и прежде, и в первую революцию в 1906 г., и в начале Первой мировой войны в 1914 г., но ненадолго. Новая власть взялась за дело куда более рьяно и простым приостановлением не ограничилась. *Речь* была закрыта 26 октября (8 ноября) 1917 г., на следующий день после того, как большевики взяли власть. Но уже через неделю, 3 (16) ноября вышел номер газеты под названием *Наша речь*, в том же виде и составе, что и прежде. После второго номера запретили и ее, но газета, как птица Феникс, тут же возродилась под названием *Свободная речь*, и эта игра в кошки-мышки продолжалась несколько месяцев, менялись только названия: *Век*, *Новая речь*, *Наш век*. Лишь в августе 1918 г. газета окончательно прекратила существование.

Современные исследователи считают *Речь* “одним из важнейших либеральных органов в системе российской периодической печати” (Котов 2014: 10). Газета дала материал для многих научных статей и публикаций,² однако сама остается явно недостаточно изученной.

Даже в самые критические моменты истории, когда вопросы о войне, продовольствии, курсе рубля и т.п. не сходили с передовиц, *Речь* не забывала обеспечивать статьями и заметками такие рубрики, как ‘Литературная неделя’, ‘Литературная летопись’, ‘Театр и музыка’ и др. Столь же последовательно газета уделяла внимание архитектуре, живописи, науке и образованию. По охвату культурных событий она оставалась, пожалуй, самым представительным и передовым общественно-политическим изданием. Так, например, 6 (19) декабря 1917 г. в ней появилась редакционная заметка о присуждении Нобелевской премии по литературе сразу двум датским писателям, Карлу Гьеллерупу и Хенрику Понтoppiдану. “Не лишено занятости, – говорилось в завершение, – что петроградское телеграфное агентство даже не сочло нужным осветить это литературное событие мирового значения”

(Нобелевские лауреаты 1917). И хотя наша статья не претендует на исчерпывающий обзор материалов, будем надеяться, что она не только обобщит основные публикации в рамках обозначенной темы, но и частично компенсирует отсутствие росписи содержания *Речи*, столь необходимой в работе историков и литературоведов.

Среди авторов газеты, высказывавшихся по вопросам культуры, представляется важным назвать прежде всего А. Бенуа, а также Д. Философова, который, в свою очередь, писал, вспоминая о годах их совместной молодости: “Для нас (помимо Бенуа здесь имеются в виду В. Нувель и К. Сомов. – А.Х., О.К.) созидательное восприятие и понимание прекрасного были высочайшими целями жизни, которые были так далеки от реальных банальностей каждодневной жизни” (Дюррант 1994: 446). Философов, вышедший из того самого класса, к которому “принадлежали все главнейшие деятели русской культуры XVIII и XIX столетий, создавшие прелесть характерного русского быта” (Бенуа 1980: 504-505), в 1917-1918 гг. печатно высказывался не только по вопросам культуры.³ “Я лично (если это кому-нибудь интересно знать), – читаем в одной из его статей, – никогда не принадлежал к кадетской партии. Я просто рядовой сотрудник “Речи”, во многом ей симпатизирующий, особенно в ее честном отношении к обороне, в ее борьбе с демагогией, с погромной агитацией. Никогда кадеты не стояли на задних лапках перед физической силой, никогда не потакали стихии. И это мне дорого” (Философов 1917з).

Рядом с Д. Философовым и А. Бенуа на страницах *Речи* публиковались в 1917-1918 гг. такие авторы, как Ю. Айхенвальд, Ф. Батюшков, С. Венгеров, М. Волошин, И. Гревс, Л. Гуревич, В. Жирмунский, Ф. Зелинский, Д. Мережковский, А. Ремизов, К. Чуковский, Г. Чулков, Б. Эйхенбаум и др.

***

События Февральской революции *Речь* встретила с энтузиазмом. В частности, Философов изумлялся “культурности народного восстания” и утверждал, что “если бы мы имели возможность тихо и спокойно засесть в Публичной библиотеке за изучение “Великой французской революции”, мы сразу оценили бы относительную бескровность и неразрушительность совершившегося переворота” (1917д). В другой статье с говорящим названием ‘Золотые сны’ он пошел еще дальше и прямо призвал своих читателей: “...не будем бояться за “культурные ценности”. Много настоящих “буржуев” прикрывают страх за свои животишки страхом за “культурные ценности”” (Философов 1917ж).

Приветствуя падение самодержавия, видные деятели культуры, в том числе ученые, активно включились в строительство новой жизни. “Временное Правительство, – вспоминал И. Гревс на страницах той же газеты, но уже после Октябрьского переворота, – открыто, горячо и доверчиво откликнулось на инициативу Академии и честно признало свое сотрудничество в деле поддержания и развития духовной культуры. Академия стала авторитетным советником обновленного министерства народного просвещения. Особая, действовавшая при министерстве комиссия по ученым учреждениям, которая почти вся состояла из членов Академии, вырабатывала широкий план стройной сети очагов научного просвещения – библиотек, музеев, исследовательских институтов, которые явились бы могучими рычагами для использования естественных богатств и духовных сил страны и народов России” (Гревс 1918а). Но не пройдет и года, как сменится власть, и уже другой автор *Речи* будет критиковать инициативу М. Горького по превращению ученых в советских специалистов:

Своими работами академик Павлов заслужил благодарное удивление всей европейской науки, послужил всему человечеству. А Горький хочет заставить его читать “краткий курс по физиологии”, что может сделать с успехом всякий студент. И выходит так, что, заботясь о распространении наук, Горький выказывает очень мало уважения к самой науке и ее верным служителям... (Философов 1918ж)

События февраля-марта 1917-го позволили Д. Коковцову питать не менее радужные иллюзии относительно ближайшего литературного развития. 10 (23) июня появилась его заметка ‘Поэты и революция’. “Сейчас, – как было сказано, – мы только вступаем в революционную полосу и потому вправе ожидать исключительно пышного расцвета искусств. Думается, что эти ожидания обмануть не могут” (Коковцов 1917а). Но уже в конце революционного года тот же Д. Коковцов в статье ‘Русская лирика в 1917 г.’ более трезво резюмирует: “Чудесная книга Анны Ахматовой (“Белая стая”) сейчас – единственное “событие”. Все прочее – эпизоды, отчасти приятные и значительные, отчасти – не вызывающие острого любопытства и, наконец, совсем тусклые” (1917б).⁴ А среди “прочего” у Д. Коковцова оказались – *Алый мак* Ф. Сологуба, *Триолеты любви и вечности* И. Рукавишникова, *Горькая услада* В. Инбер, *Опечаленная радость* Г. Вяткина, *Война и мир* В. Маяковского, *Лирические лирические* С. Боброва, *Поверх барьеров* Б. Пастернака и некоторые другие. “Итоги, – сдержанно заключал автор, – не слишком радостны, но и не безотрадны. У русской лирики нет новых ярких побед, но нет и поражения...” (Коковцов 1917а).

Между тем надежды возлагались и на творческие объединения литераторов. По мнению Л. Гуревич, сформулированному в заметке об учредительном собрании петроградского Союза писателей, задачей этой организации должна стать “не столько охрана интересов самих писателей, как известной категории трудящихся, сколько дальнейшая борьба за коренное обновление русской жизни в связи с высшими интересами русской литературы” (Гуревич 1917б). Но и этим мечтам не суждено было воплотиться в их первоизданном виде. Накануне Октябрьской революции Философов встретил в кулуарах предпарламента Л. Андреева, который прошел от Союза редакторов, и передал содержание их разговора в статье ‘Пшеничный хлеб’ от 22 октября (4 ноября): “Прежде мы хвастали перед Европой “великой русской литературой и... самоварами. Самовары остались. Перед ними преклоняются по-прежнему. А литература – исчезла”, – сказал с горькой усмешкой Андреев. “И литераторы молчат, каждый в своем углу. Хоть бы они сошлись вместе, как-нибудь объединились. Точно нет общего дела, единства! Неужели же единство принадлежит только Плеханову, общее дело только Бурцеву...”” (Философов 1917к). И далее – горестное признание: “Избирательный голос Андреева, Короленко, Мережковского, пожалуй, еще нужен. Борющиеся партии будут зазывать каждого из них. Но кому нужны их “собрания сочинений”?” (Философов 1917к).

Не только художественная литература, но и сама книга как предмет культурного наследия оказалась в революционное лихолетье под угрозой исчезновения. 2 (15) июня 1917 г. В. Ирецкий опубликовал заметку ‘Книга’ с красноречивым подзаголовком ‘Вместо некролога’. “...Вряд ли можно было предполагать, – признается автор, – чтобы через три месяца после революции в русской политической газете появилась скорбная передовая статья о предстоящей гибели книги и учебника с доказательствами страшных последствий ликвидации издательского дела в России. Кто же угрожает книге? Цензура? Мракобесы? Увы, нет” (Ирецкий 1917). И далее – вполне прозаический ответ: “Повышенная в 10 раз расценка печатного труда, его пониженная продуктивность и жадность книгоиздателей убивает книгу – теперь, когда она нужна больше, чем в какое-либо другое время” (Ирецкий 1917). И если в начале 1917-го Д. Философов спокойно заявлял: “Человек – выше книги, жизнь – значительнее литературы” (Философов 1917в) – то в марте 1918-го его публицистические рассуждения приобрели иную тональность. В условиях разрушения книжного дела, когда “художники сами вырезают свои рисунки”, “сами делают клише, от руки раскрашивают их”, а “писатели же сами превращаются в самодельных издателей, в чуть ли не топографов” (Философов 1918е), изданная артелью “Сегодня” серия книг А. Ремизова, С. Есенина, И. Соколова-

Микитова, Натана Венгрова и др. пробудила в Философове “жадность непоправимого библиофила, который отлично понимает, что через короткое время эти книжечки превратятся в “редкость””, и вместе с тем – “чувство радости: нежное еще нежнее на улицах, где пахнет бойней” (Философов 1918е). Внимание авторов *Речи* к судьбе книги проявлялось в регулярно публиковавшихся обзорах литературных новинок. А накануне своего закрытия газета поместила обширную статью ‘Графика или иллюстрация? (О красоте книги)’ (Левинсон 1918).

Призывы “не угашать духа” и активно включаться в “культурное строительство” звучали со страниц *Речи* и в отношении служителей Мельпомены. Так, 14 (27) марта 1917-го Д. Философов критиковал театры, которые возобновили работу с дореволюционным репертуаром: “Художники объединяются, кого-то выбирают, что-то проектируют, а в театре, где искусство всего ближе соприкасается с широкими массами, все осталось по-старому” (Философов 1917е). И здесь – явная перекличка со статьей Л. Гуревич, которая еще до смены власти, 5 (18) февраля того же года, писала:

Наш театр, в целом, и без того уже был слишком далек от настоящей живой жизни, от духовных интересов своего времени. Эти годы, в которые каждый месяц засчитывается за год, сделают его окончательно отсталым, – ибо в эти годы он не живет ни вечным, ни истинно современным, а лишь тою накипью на современности, в которой растворены разные мутные осадки прошлого. Он словно для того только и существует, чтобы уводить людей от жизни, притуплять интерес ко всему совершающемуся. (1917а)

Чуть раньше с не менее жесткой критикой театров выступил А. Бенуа. “Увы, – читаем в его статье от 27 января (9 февраля), – я вынужден признаться в своей преступной слабости к кинематографу или, как теперь принято выражаться, к синеме или еще проще – к “кики”. Я знаю, это – порок ужасный и позорный, но что же поделаешь, если действительно приятнее и отраднее, и “отдохновеннее” пойти 10 раз в “кики”, нежели один раз проскучать часа три в одном из наших “лучших” театров” (Бенуа 1917в).

Вскоре общественная активность, к которой призывали театральные деятели идеологи Февраля от культуры, обернулась иной стороной. 10 (23) сентября 1917 г. П. Ярцев (регулярно публиковавший в газете очерки о театре)⁵ пророчески предрекает:

Театральная зима, которая подходит, будет трудна тем, что авторы, ушибленные революцией, оказались в массе “сознательными пролетариями”: “организуются”, “бастуют”, “бойкотируют”, “выставляют требования”, государственные же театры получили

“конституцию”. Совсем не важно, пострадают или выиграют от этого актеры, и не так важно – насколько пострадает от этого публика. Но весьма важно, что от такого живого участия в “мирских делах” может пострадать самое существо театра, то, за что в старину театр именовался “храмом”. (1917а)

Как видно из приведенных примеров, “золотые сны” авторов *Речи* в отношении чаемых культурных преобразований стремительно рассеивались в условиях надвигающейся, а затем и свершившейся Октябрьской катастрофы (в их оценке – “контрреволюции”). Менее чем за месяц до нее Д. Философов опубликовал ‘Предостережение’ и выразил опасение, что после очередной смены власти, после того как “народ сметет весь этот мусор изолгавшихся демагогов”, “вместе с этой шелухой может погибнуть, разорваться ткань государственности, последний покров культуры” (1917и).

***

Будущее архитектурных памятников и садово-парковых ансамблей было одной из центральных тем в статьях 1917-1918 гг. Объявленная в то время большевиками “война дворцам” по-своему отвечала на этот вопрос, но поставили его не большевики. Тема эта уже давно занимала авторов *Речи*. А. Бенуа еще 6 (19) января 1917 г. в отзыве на книгу Г. Лукомского ‘Новый Петроград’ (1916) высказался о современной архитектуре в критическом ключе:

Пора русскому архитектору перевоспитать себя в корне. Нужно, чтобы он переменял свою “душу”, и тогда он уже сумеет обновить свое искусство. А верным средством (единственным для меня очевидным средством, но, может быть, их и легион) представляется для этой цели “классика”, иначе говоря, вдумчивое усвоение тех законов “абсолютной красоты”, которые были изобретены “для Европы” на заре ее сознательной жизни, тогда, когда яснее и свежее была творческая мысль. (1917б)⁶

Здесь уместно напомнить, какое возмущение в феврале 1917-го вызвала идея священника Н. Антонова, ключаря храма Воскресения Христова, выстроить в связи с годовщиной отмены крепостного права новый музей в Михайловском саду, украсить аллеи “названиями главных художественных деятелей царствования Александра II”, а на Михайловской площади воздвигнуть памятник Александру II и “галерею”, где было бы обеспечено место композиторам, особенно духовным (Философов 1917г). “Везде, – писал по этому поводу Д. Филосо-

фов, – люди власть имущие ответили бы фантазеру, что в современном городе уничтожать вековые деревья, уничтожать старые парки – настоящее преступление, что уродовать город во имя “крестьянина”, прежде всего... непоследовательно. Но у нас все возможно. У нас знахарь заткнет за пояс всякого доктора, а дилетант всякого специалиста” (1917г).

Вместе с тем сразу после падения самодержавия встал вопрос о царском имуществе. Тот же Философов справедливо напоминал читателям:

При бывшем директоре Эрмитажа, кн. Трубецком, были в ходе эрмитажные спектакли. Ужины происходили в самом Эрмитаже, причем Рембрандтовская галерея была приспособлена в качестве дамской уборной (sic!). Во время одного из ужинов был случайно разрезан пополам портрет работы Ван-Дика. За достоверность этих фактов я ручаюсь. (1917д)

А потому за призывом публициста приступить к “ликвидации” этого имущества стояло стремление вовсе не уничтожить его, а реформировать “в самом демократическом духе” и превратить “в рассадник живой, всенародной культуры” (Философов 1917д). “Не сегодня – завтра, – пишет Д. Философов, – вопросы внешкольного образования, “народных домов”, университетов и т.п. станут во всей остроте. Неужели же певческая капелла, придворный оркестр, казенные театры и т.п. останутся петербургскими “музейными” учреждениями, а не превратятся в культурные рассадники “инструкторов”, которые должны быть, обязаны быть к услугам народа? Или возьмем царские покои. Неужели же они останутся запертыми музеями? Припомните Францию. Версаль, Сен-Жермен, Шантили, это все любимые народные парки, где сберегается народное здоровье. Пойдите в Сен-Клу в воскресный день. Парк переполнен рабочим людом. Целыми семьями идет туда народ на весь день. А у нас рабочий люд должен в праздники толкаться по Лиговке! У нас Ялта задыхается в пыли и грязи, не имея возможности пользоваться Ливадией, Массандрой и Ореандой. Ни для кого не секрет, что и железной дороги нет по южному берегу из-за царских владений” (1917д).

Примерно в те же дни с призывом к защите памятников культурного значения (но в более охранительном и менее демократичном духе) выступил А. Бенуа: “В наших руках, – пишет он, – колоссальное наследство. Его не пожег, не уничтожил “серый люд”, владевший в первые дни улицей и оказавшийся фактическим обладателем всего общественного имущества. Но ныне надлежит выработать, как дальше быть с этим общим имуществом, и надлежит принять меры, чтобы те

злодеяния, от которых воздержался “серый люд улицы”, не совершила бы “чистая публика кабинетов и гостиных” (1917д).

Позднее, после занятия Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов здания Смольного института благородных девиц, который в октябре 1917-го был вынужден переехать во главе с княгиней В Голицыной в Новочеркасск, по тому же вопросу высказался И. Гревс. “Для нужд будущего просвещения, – утверждает он, – надо беречь и памятники старины, уважать доброе в минувшем. Народ “без истории и без преданий” – жалкий народ. Захваты вообще вещь недопустимая. А посягательства на художественные и просветительские цели недопустимы вдвойне. На произведения искусства и на образовательные учреждения надо наложить табу, водрузить над ними белый флаг, Красный Крест. Пусть для всех они будут святыней” (Гревс 1917).

Уже после октябрьских событий о судьбе другого памятника архитектуры – Таврического дворца, подготовленного под предстоящее Учредительное собрание, – 17 (30) декабря 1917-го напоминал А. Ростиславов (ряд его публикаций в *Речи* посвящен художественным выstavкам):⁷

Как известно, в революционные дни дворец если и не превратился снова в конюшню, то был до последней степени загрязнен и местами изуродован. Сейчас он готов встретить Учредительное собрание в приличном и возможно художественном виде, хотя уже начались новые попытки порчи и загрязнения. Но что ждет в будущем этот исключительный памятник старины, после ряда фантастических превращений ставший свидетелем крупнейших событий русской революции? Не пора ли ему отдохнуть и сохранить хотя бы уцелевшее свое прекрасное искусство? Всем своим характером и конструкцией дворец как бы предназначен для музея. Какое это было бы место художественного учительства и отдыха, исторических воспоминаний, – особенно в летние месяцы, когда дворец-музей через широко открытые двери мог бы сливаться в одно с прилегающим прекрасным садом. (Ростиславов 1917в)⁸

Наконец, в марте 1918 г., наблюдая за “разрушением человеческих жизней, культурных памятников, материального добра, разрушением самой России” (Философов 1918г), Д. Философов констатирует, что “Спасское-Лутовиново уже разрушено” и “теперь дошла очередь до Михайловского” (1918д). Символическим свидетельством пятого акта трагедии, который еще не наступил (“Мы переживаем четвертый” (Философов 1918в) – так сказано в одной из его статей), выглядит то, как на фоне развернувшегося крушения культурных ценностей

“скульпторы обдумывают проект памятника Карлу Марксу” (Философов 1918в).

***

Похожая ситуация складывалась в сфере образования и просвещения. Еще до революционных дней *Речь* последовательно освещала события, связанные с насущными проблемами преподавания гуманитарных предметов. В конце 1916-го – начале 1917-го в Москве прошел первый всероссийский съезд учителей русского языка и словесности, в котором приняли участие не только учителя, но также профессора и даже академики (среди них – П. Сакулин, Н. Котляревский). На его открытии 27 декабря 1916 г. (9 января 1917 г.) выступил Венгеров, речь которого была размещена в газете. Слова известного университетского профессора начала прошлого века остаются актуальными и сегодня. В своем выступлении он призвал учителей “перестать игнорировать литературу последних тридцати лет” (Венгеров 1917) и в качестве образцов перечислил таких авторов, как А. Чехов, В. Короленко, М. Горький, В. Гаршин, Г. Успенский. “А из писателей наших дней, – добавил Венгеров, – разве не дали бы высоких тем для классных бесед поэтический, нежный Зайцев, тонкий Бунин, хотя бы по поводу его последнего всех восхитившего рассказа “Господин из Сан-Франциско”, замечательная, при всех своих чисто художественных недочетах, трилогия Мережковского? А в области поэзии сколько превосходных стихотворений у главарей модернизма Бальмонта, Брюсова, Минского, Блока, из поэтов некрасовской школы – у Якубовича и Надсона” (1917). О ‘Господине из Сан-Франциско’, кстати, *Речь* вскоре опубликовала статью ‘Старое и новое у Бунина’ (Дерман 1917). На протяжении рассматриваемого нами периода в газете увидели свет произведения самых видных писателей того времени (Бунин 1918; Мережковский, 1917, 1918; Ремизов 1917, 1918; Чулков 1917).

Не менее злободневным, чем слова С. Венгерова, остается суждение Д. Философова:

Гимназия, средняя школа вообще одно из самых непопулярных учреждений в России. Школьники, как и полагается, ее ненавидят, родительские комитеты пребывают в состоянии непрерывного “протеста”. А профессора высших учебных заведений приходят в отчаяние от некультурности и безграмотности юношей, снабженных аттестатом зрелости. (1917а)

Постоянный автор *Речи*, поводя итог закрывшегося 4 (17) января Съезда, также указал, что главная ошибка комиссии, составившей проект новой программы по истории русской литературы в средней школе, состоит “в чрезмерной научности” (Философов 1917б). Упрекая ученых в том, что они “невольнo забывают педагогическую точку зрения” и “из средней школы хотят сделать “маленький университет”” (Философов 1917б), Философов формулирует собственный взгляд на задачи средней школы, которая, по его мнению, “не может и не должна давать знаний”: “Воспитать в ученике средней школы волю к знанию куда важнее, нежели набить его голову теориями, хотя бы новейшими. Ознакомить его с фактами, с отдельными писателями и художественными произведениями куда полезнее, нежели с современными научными взглядами” (1917б).

Разрушительная политика большевиков, в свою очередь, спровоцировала закономерный интерес к проблемам преподавания истории. И здесь с особой остротой встал вопрос о соотношении курсов всеобщей и отечественной истории. “Всеобщая история, – провозглашалось в одной из статей, – не только не является помехой для широкого и всестороннего изучения нашей родины и ее исторического развития, нашей отечественной истории, а наоборот, служит незаменимым подспорьем для нее” (Вебер 1918). Одновременно с этим, как было сказано по тому же поводу в публикации другого автора, учитель истории должен прежде всего “ковать в школе сознание нации” (Философов 1918к). В условиях новой российской действительности, отвечая на вопрос о том, какой долг налагает на учителя истории текущий момент, какие изменения в содержании предмета он диктует, публицист соглашается с тридцатью шестью преподавателями истории средних и высших учебных заведений Петрограда, которые летом 1918 г. обратились к своим коллегам с воззванием “блжести заветы национального сознания” (Философов 1918к).

Высказываясь по вопросам гуманитарного образования, авторы газетных публикаций не только включались в масштабную полемику тех лет о патриотизме и роли интеллигенции в кризисную эпоху, которая составляет самостоятельное исследовательское поле и остается за рамками нашей статьи, но также излагали собственное отношение к проблеме формирования духовных ценностей, скрепляющих нацию через ее историю и литературу. А общую позицию газеты по данному вопросу лучше всего передают слова, прозвучавшие в ней 2 июля 1918 г.:

Без “почитания” не может быть никакой преемственности, без утверждения личности в противовес безличному процессу не может быть творчества, не может быть свободы. “Духовные”

ценности культур создаются благодаря чудесному синтезу свободной, творческой личности с “процессом”, основанном на законе необходимости. (Философов 1918к)

К этому времени систематическое образование в России уже терпело крах. После ареста графини С. Паниной, основавшей знаменитый Народный дом в Петербурге, 1 (14) декабря 1917 г. Д. Философов разместил в *Нашем веке* статью ‘Враг народа’, в которой писал о том, что “идут аресты учителей, учительниц, обвиняемых в оскорблении Величества, в непочтительных выражениях о “священной особе” сегоднешнего самодержца” (1917л). В этой же публикации автор разразился критикой относительно “культурно-просветительных” декретов “скорбноглавого Луначарского”, который, по его словам, “ничего еще не сделал для русского просвещения, да ничего и не сделает” (Философов 1917л).

В подкрепление такой точки зрения спустя чуть более полугода в газете появилась статья И. Гревса ‘За духовную культуру России’. Автор присоединяется к словам С. Ольденбурга, которые сам же цитирует:

...если невежественные и затуманенные люди могут теперь отрицать культуру, отворачиваться от простой грамотности как ненужного стеснения, то люди науки не могут не сознавать, что без их работы немислимы просвещение и культура, а без этих последних – никакое достойное человека существование. (Гревс 1918а)⁹

Немногим раньше Ф. Батюшков на страницах того же издания в более мягкой форме замечал, что русский народ “вовсе не враг просвещения и культуры, несмотря на бывшие когда-то “картофельные бунты”; он не понимает еще в должной мере напряженности умственного труда и длительной подготовки, требуемой научной дисциплиной; он доверяет обманчивым рекламам – “полный университетский курс в три месяца” и еще смешивает образовательный ценз с привилегированностью положения человека, обладающего дипломом” (1918а). “Надо же, наконец, признаться, – словно вторил ему приват-доцент В. Буш, напечатавший летом 1918-го “трюизмы к предстоящему учебному году”, – что и в области народного образования действительны неумолимые законы эволюции, и никакие краткосрочные курсы, читаемые архизнаменитыми профессорами”, не дадут того, что “может дать только систематическое основательное усвоение богатых завоеваний человеческой мысли” (1918).

***

Печальная участь самой *Речи*, вынужденной постоянно менять названия, определялась усугубившейся ситуацией со свободой слова. И если 21 ноября (4 декабря) 1917 г. новость о том, что в Полтаве “первой жертвой социалистического цензора оказалась статья В. Короленко, написавшего, что власти большевиков он не признает и советует им поскорее образумиться” (П 1917), была расценена автором газетной заметки как “фарс”, то 21 (8) апреля 1918 г. отклик И. Гревса на уничтожение *Журнала Министерства народного просвещения* вышел с действительно скорбным заголовком ‘Гибель одного культурного дела’. “В дни крушения России, – будто извиняется он, – может показаться несовместимым с моментом небывалой национальной трагедии отзываться на частный факт насильственной смерти скромного органа печати, делавшего долго нужное дело, несмотря на трудные условия при старом режиме. Но наша культура так бедна, это – такая мученица страстотерпения, что необходимо всегда беречь в ней каждое зерно, протестовать против всякого посягательства на разрушение полезного духовного предания” (Гревс 1918б).

День за днем положение печати как своеобразного “барометра” (Философов 1918з) становилось столь же невыносимым, как и бытовые условия жизни. “На углу Литейного и Невского, – свидетельствовал Д. Философов, – Содом и Гоморра. Ни пройти, ни проехать. Люди провозгласили “материю” альфой и омегой человеческого счастья, и вместе с тем могут не справиться даже “со снегом”, не только с холодом и голодом. Старое благолепие они уничтожили, создать новое они бессильны...” (1918а). И хотя, по верному суждению еще одного автора газеты, “развитие духовной культуры немыслимо без того, чтобы не были налажены материальные условия существования” (Батюшков 1918а), борьба деятелей искусства и науки за ее сохранение продолжалась.

21 января (3 февраля) 1918 г. была напечатана заметка о благотворительном (в помощь “Красному Кресту”) утре ‘О России’, в которой сообщалось, что ““культурные” условия наших дней не дали даже возможности устроителям... как следует оповестить о своем начинании публику. Объявления уничтожены. Газеты выходят случайно. Сегодня – нет тока, завтра – появились “независящие” обстоятельства” (Философов 1918б). Тем не менее мероприятие состоялось. Среди участников были А. Ахматова, З. Гиппиус, Д. Мережковский, Ф. Сологуб и др. Появившийся 24 января (6 февраля) отчет живо передавал атмосферу этого культурного события:

Знакомый и близкий по до-февральским воспоминаниям зал Тенишевского училища. Отсутствие в программе политических ораторов. Смущенно радостные встречи заблудившейся и разобщенной в извилистых закоулках программ и партий молодежи. Восторженно благодарный, дружный прием участников утра “О России”. Все располагает к освежающим души воспоминаниям о прошлом; ласково, но повелительно останавливает мысль на пропасти настоящего, с надеждой и упованием зовет к будущему. – Россия была. России нет... Россия будет! – говорит Д. Мережковский. – Одичалые, озверелые, проникнутые хаосом, мы в гордыне забыли о родине. И, когда опомнились, в безмолвном ужасе затаили дыхание у постели смертельно больной матери. Молчим, стиснув зубы. В красном тумане новых слов забыли о старых. А сейчас можно вспоминать лишь старые слова. (М. Р. 1918)

И если весной революционного года мечтательные взоры деятелей культуры были устремлены только в будущее, то после осенних событий, с приходом зимы, многим из них не оставалось ничего другого, как искать утешение в прошлом. Так, в самом конце 1917-го на годичном собрании Российской Академии наук С. Ольденбург рассказал о задуманном коллективном издании “Русская наука”. “Это будет обширный сборник, – надеялся он, – два большие тома, в которые войдет история того, что создано трудами русских ученых за два века, от петровских времен до наших дней, в области научного познания мира и человека. К задаче привлечено 57 специалистов” (Гревс 1918а).

Все чаще на страницах газеты появлялись и материалы по истории литературы. К. Чуковский по архивным источникам опубликовал детские воспоминания Н. Некрасова (Чуковский 1917), а Н. Лернер – ‘Новооткрытые стихи Пушкина’ (Окончание “Юдифи”)” (Лернер 1918).¹⁰ Чтобы “на минуту отвлечься от злых событий современности и успокоить истерзанное сознание на одной из проблем тихой культуры”, Ю. Айхенвальд откликнулся на ‘Мудрость Пушкина’ М. Гершензона (Айхенвальд 1918). Венгеров опубликовал статью к 50-й годовщине со дня рождения Д. Писарева (Венгеров 1918), а Ф. Батюшков – по поводу 65-летия В. Короленко (Батюшков 1918в). Однако большинство юбилейных заметок писалось на смерть выдающихся служителей искусства: ‘Вечная сказка (К 20-летию смерти Вс.М. Гаршина)’ (Батюшков 1918б), ‘Памяти Н. А. Римского-Корсакова (К 10-летию со дня его смерти)’ (Каратыгин 1918). Сюда же примыкают воспоминания о П. Чайковском (Андреевский 1918) и т.д. В дни “всеобщего одичания” Философов предложил читателям помянуть добрым словом умершую 9 июня 1918 г. А. Достоевскую, вдову писателя: “У этой простой, бесхитростной, но деловитой и “хозяйственной” женщины – большие за-

слуги перед русской литературой, а следовательно и перед русской культурой” (1918л).

Есть в этом нескончаемом “мартирологе” трогательная заметка Б. Эйхенбаума, посвященная памяти молодого художника и искусствоведа Сергея Александровича Никольского (1898-1918), погибшего от рук красноармейцев. Начинается она словами: “Смерть, смерть и смерть... Самодержавие смерти – вот теперь действительная форма нашей государственной жизни” (Эйхенбаум 1918). Для газеты этот номер оказался одним из последних. “Впрочем, – как оценивали складывавшуюся ситуацию ее авторы, – судьба газеты ничем теперь не отличается от судьбы отдельного человека. Сегодня жив и здоров, а завтра – поминай как звали! Настоящей культуры и свободы у нас нет. Есть “культура и свобода” в кавычках. Милое благотворительное общество, вроде “общества для доставления носовых платков американским неграм”” (Философов 1918и).

И все-таки мысли о культурном возрождении не оставляли пишущих в газету до самого последнего номера, который вышел 3 августа 1918 г. Еще за день до этого на страницах газеты прозвучали обнадеживающие слова о том, что и “новый хлеб” окажется по-своему питательным:

Если допустить, что в России старая культура умерла, творится совершенно новый мир, новая земля и новое небо, то никакие разрушения не страшны, так же, как не страшны были во времена блаженного Августина разрушения, чинимые варварами. Сколько памятников античной литературы было уничтожено трудолюбивыми монахами, которые писали жития святых на выскобленных трагедиях Еврипида! (Философов 1918м)

А неделей раньше антиковед Ф. Зелинский в проблемной статье ‘Человек Еврипида и Шекспира’ сожалел о том, что ““культуроведение”, если это слово дозволено, – т.е. учение о происхождении и свойствах культурных сил – еще не получило права гражданства среди наук” (Зелинский 1918). Однако сегодня, спустя столетие, когда культурология достигла зримых успехов, газета *Речь* (во всех своих перевоплощениях) должна быть признана той самой силой, которая в 1917-1918 гг. противостояла преждевременной гибели культуры, а потому и теперь являет собой важнейший источник для ее изучения.

Предпринятое нами освещение культурной повестки, получившей публицистический отклик на страницах газеты *Речь* в революционную пору, обобщение основных материалов в рамках обозначенной темы (связанных с участием деятелей культуры в строительстве новой жизни, борьбой за сохранение книги, архитектурных памятников и

садово-парковых ансамблей, дискуссиями о театре и просвещении, о преподавании гуманитарных предметов в школе) приближает в перспективе решение еще одной пока что только намеченной нами проблемы изучения роли этого периодического издания в масштабной полемике 1917-1918 гг. об интеллигенции и патриотизме. Насущность выхода в данное исследовательское поле обусловлена не только историческими, но и современными реалиями российской жизни, которые в контексте “большого времени” могут быть осмыслены полнее и глубже.

Продолжать свое дело редакторам *Речи* пришлось уже в эмиграции. И. Гессен с 1920 г. выпускал в Берлине газету *Руль* (сохранив даже заголовочный шрифт, так что в названии новой газеты изменились лишь две буквы), а второй фактический редактор *Речи* П. Милоков с 1921 г. редактировал в Париже *Последние новости*, которым суждено было стать самой известной газетой русского зарубежья.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Часть работы, связанная с обработкой и анализом газетных источников в аспекте взаимодействия русской литературы и журналистики, выполнена А. А. Холиковым в Институте мировой литературы имени А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 20-18-00003). Часть работы, связанная с философским осмыслением культурной политики России 1917-1918 гг., выполнена О. А. Коростелевым в Институте мировой литературы имени А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432).
- ² См., в частности, самые недавние: Холиков, Коростелев 2017: 25-35; 2018а: 485-505.
- ³ См. также: Холиков, Коростелев 2018б.
- ⁴ Вскоре *Наш век* опубликовал подробный разбор этого ахматовского сборника (Жирмунский 1918).
- ⁵ См., например: Ярцев 1917б, 1917в.
- ⁶ За несколько дней до этого Бенуа опубликовал критический отклик на исследование В. Курбатова ‘Сады и парки: История и теория садового искусства’ (1916). См.: Бенуа 1917а.
- ⁷ См., например: Ростиславов 1917а, 1917б.
- ⁸ См. также его исторический очерк об Александро-Невской лавре: Ростиславов 1918.
- ⁹ См. также: Ольденбург 1918.

- ¹⁰ На самом деле окончание “Юдифи” принадлежало перу С. П. Боброва. О фальсификации написал Б. В. Томашевский, отметив, что “подделка ввела в заблуждение виднейших пушкинистов Петрограда” (Томашевский 1934: 1103). См. также: Зеленкова 2013. Пользуясь случаем, авторы статьи выражают признательность Н. А. Богомолу за сделанное в ходе подготовки данной публикации уточнение.

ЛИТЕРАТУРА

- Айхенвальд, Ю.
1918 ‘Новое о Пушкине’. *Наш век*, 17 (4) февраля, № 27 (52), 5-6.
- Андреевский, С.
1918 ‘Из воспоминаний (Петр Ильич Чайковский)’. *Наш век*, 14 (1) июля, № 117 (141), 4.
- Батюшков, Ф.
1918а ‘Кризис русской интеллигенции’. *Наш век*, 2 апреля (20 марта), № 63 (87), 1.
1918б ‘Вечная сказка (К 20-летию смерти Вс. М. Гаршина)’. *Наш век*, 7 апреля (25 марта), № 67 (91), 5.
1918в ‘Значение В. Г. Короленко в наши дни (По поводу 65-летия рождения)’. *Наш век*, 28 (15) июля, № 129 (153), 2-3.
- Бенуа, А.
1917а ‘Сады и парки’. *Речь*, 3 (16) января, № 2 (3744), 2.
1917б ‘Русский неоклассицизм’. *Речь*, 6 (19) января, № 5 (3747), 2.
1917в ‘О кинематографе’. *Речь*, 27 января (9 февраля), № 25 (3767), 2.
1917г ‘Постановка “Каменного гостя” на казенной сцене’. *Речь*, 3 (16) февраля, № 32 (3774), 2.
1917д ‘Чудеса и благоразумие’. *Речь*, 1 (14) апреля, № 77 (3819), 3.
1980 *Мои воспоминания: В 2 т.* Москва, 1980, т. 1, 3-711.
- Бунин, И.
1918 “У ворот Сиона, над Кедром...”’. *Наш век*, 4 мая (21 апреля), № 89 (113), 3.
- Буш, В.
1918 ‘Об образовании народном (Трюизмы к предстоящему учебному году)’. *Наш век*, 27 (14) июля, № 128(152), 1.
- Вебер, Г.
1918 ‘Родная и всеобщая история в средней школе’. *Наш век*, 17 (4) июля, № 119 (143), 2.
- Венгеров, С.
1917 ‘Русская литература в средней школе, как источник идеализма’. *Речь*, 9 (22) января, № 8 (3750), 2.

-
- 1918 'Писарев'. *Наш век*, 17 (4) июля, № 119 (143), 1-2.
- Гревс, И.
1917 'Занятие Смольного института'. *Речь*, 1917, 2 (15) августа, № 179 (3921), 2.
- 1918а 'За духовную культуру России'. *Наш век*, 23 января (5 февраля), № 16 (41), 1.
- 1918б 'Гибель одного культурного дела'. *Наш век*, 21 (8) апреля, № 79 (103), 5.
- Гуревич, Л.
1917а 'Театр и события нашего времени'. *Речь*, 5 (18) февраля, № 34 (3776), 4.
- 1917б 'Союз писателей'. *Речь*, 19 марта (1 апреля), № 67 (3809), 3.
- Дерман, А.
1917 'Старое и новое у Бунина ("Господин из Сан-Франциско", сборник)'. *Речь*, 23 января (5 февраля), № 21 (3763), 2.
- Дюррант, Джон Стюарт
1994 'По материалам архива Д. В. Философова'. *Лица*, № 5, 444-459.
- Жирмунский, В.
1918 "'Белая стая"'. *Наш век*, 30 января (12 февраля), № 22 (47), 5.
- Зеленкова, Е.
2013 'Об одной литературной мистификации: С. Бобров – автор окончания пушкинской "Юдифи"'. *Русская филология. 24. Сборник научных работ молодых филологов*. Тарту, 169-176.
- Зелинский, Ф.
1918 'Человек Еврипида и Шекспира'. *Наш век*, 26 (13) июля, № 127 (151), 2.
- Ирецкий, В.
1917 'Книга (Вместо некролога)'. *Речь*, 2 (15) июня, № 127 (3869), 3.
- Каратыгин, В.
1918 'Памяти Н. А. Римского-Корсакова (К 10-летию со дня его смерти)'. *Наш век*, 21 (8) июня, № 98 (122), 2.
- Коковцов, Д.
1917а 'Поэты и революция'. *Речь*, 10 (23) июня, № 134 (3876), 7.
- 1917б 'Русская лирика в 1917 г'. *Наш век*, 31 декабря (13 января), № 26, 6.
- Котов, Б. С.
2014 'Газета "Речь" в дни июльского кризиса 1914 года'. *Вестник МГИМО-Университета*, № 37 (4), 9-16.
- Левинсон, А.
1918 "'Графика или иллюстрация? (О красоте книги)". *Наш век*, 1 августа, № 132 (156), 2.

-
- Лернер, Н.
1918 'Новооткрытые стихи Пушкина (Окончание "Юдифи")'. *Наши век*, 4 мая (21 апреля), № 89 (113), 3.
- Мережковский, Д.
1917 'Декабристы (глава из нового романа Д. С. Мережковского)'. *Наши век*, 24 декабря (6 января), № 22, 1-2.
1918 '14 декабря (Отрывок)'. *Наши век*, 4 мая (21 апреля), № 89 (113), 3-4.
- М. Р.
1918 'Утро "О России"'. *Наши век*, 24 января (6 февраля), № 17 (42), 2.
- Нобелевские лауреаты*
1917 'Нобелевские лауреаты'. *Наши век*, 6 (19) декабря, № 6, 2.
- Ольденбург, С.
1918 'Красный Крест, наука и просвещение'. *Наши век*, 14 (1) июля, № 117 (141), 1-2.
- П.
1917 'Короленко под цензурой'. *Свободная речь*, 21 ноября (4 декабря), № 2, 3.
- Ремизов, А.
1917 'Царь Аггей. Старинная легенда'. *Наши век*, 31 декабря (13 января), № 26, 2.
1918 'Золотое подорожие. Электрумные пластинки'. *Наши век*, 4 мая (21 апреля), № 89 (113), 4.
- Ростиславов, А.
1917а 'Выставка этюдов'. *Наши век*, 7 (20) декабря, № 7, 2.
1917б 'Передвижная выставка'. *Наши век*, 10 (23) декабря, № 10, 2.
1917в 'Памятник монархизма и революция (Таврический дворец)'. *Наши век*, 17 (30) декабря, № 16, 2.
1918 'Александр-Невская лавра'. *Наши век*, 26 января (8 февраля), № 19 (44), 1-2.
- Томашевский, Б.
1934 'Издания стихотворных текстов'. *Литературное наследство*, т. 16/18, 1055-1112.
- Философов, Д.
1917а 'Литература или культура'. I. *Речь*, 8 (21) января, № 7 (3749), 3.
1917б 'Литература или культура?' II. *Речь*, 12 (25) января, № 10 (3752), 3.
1917в 'Человек и книга'. *Речь*, 16 (29) января, № 14 (3756), 3.
1917г 'Теория и практика'. *Речь*, 23 февраля (8 марта), № 51 (3793), 2.
1917д 'Царское имущество и народ'. *Речь*, 10 (23) марта, № 59 (3801), 2.
1917е 'Духа не угашайте'. *Речь*, 14 (27) марта, № 62 (3804), 3.

-
- 1917ж 'Золотые сны'. *Речь*, 1 (14) апреля, № 77 (3819), 3.
 1917з 'Под подозрением'. *Речь*, 5 (18) сентября, № 208 (3950), 1-2.
 1917и 'Предостережение'. *Речь*, 6 (19) октября, № 235 (3977), 2.
 1917к 'Пшеничный хлеб'. *Речь*, 22 октября (4 ноября), № 249 (3991), 5.
 1917л 'Враг народа'. *Речь*, 1 (14) декабря, № 2, 1.
 1918а 'После панихиды'. *Наш век*, 16 (29) января, № 10 (35), 1.
 1918б 'Утро о России'. *Наш век*, 21 января (3 февраля), № 15 (40), 2.
 1918в 'Сумерки'. *Наш век*, 21 (8) февраля, № 30 (54), 1.
 1918г 'То было раннею весной'. *Наш век*, 26 (13) марта, № 57 (81), 2.
 1918д 'Скифы'. *Наш век*, 31 (18) марта, № 62 (86), 2.
 1918е "'Сегодня"'. *Наш век*, 31 (18) марта, № 62 (86), 6.
 1918ж 'Скверный анекдот'. *Наш век*, 3 мая (20 апреля), № 88 (112), 1.
 1918з 'Барометр'. *Наш век*, 11 мая (28 апреля), № 93 (117), 1.
 1918и 'Неожиданная встреча'. *Наш век*, 16 (3) июня, № 94 (118), 1.
 1918к 'История и нация'. *Наш век*, июль (19 июня), № 106 (130), 2.
 1918л 'Жена писателя'. *Наш век*, 24 (11) июля, № 125 (149), 2.
 1918м 'Старый и новый хлеб'. *Наш век*, 2 августа, № 133 (157), 2.
- Холиков, А.; Коростелев, О.
 2017 "'С Богом или против Бога должна строиться подлинная человеческая культура?..": По материалам публицистических выступлений Д. В. Философова революционных лет (1917-1918)'. *Известия РАН. Серия литературы и языка*, т. 76, № 6, 25-35.
 2018а 'Культура и религия: Статьи Д. В. Философова революционной эпохи'. *Литература и философия – постреволюционные метаморфозы и трансформации смыслов: К 100-летию Октябрьского переворота*. Сост. Е. Тахо-Годи, Москва, 485-508.
 2018б "'Нечто пессимистическое": общественно-политические взгляды Д. В. Философова в публицистике революционных лет (1917-1918)'. *Новый филологический вестник*, № 1 (в печати).
- Чуковский, К.
 1917 'Детские воспоминания Некрасова'. *Наш век*, 24 декабря (6 января), № 22, 4.
- Чулков, Г.
 1917 'Ося (Рассказ)'. *Речь*, 12 (25) февраля, № 41 (3783), 2.
- Эйхенбаум, Б.
 1918 'Памяти С. А. Никольского'. *Наш век*, 28 (15) июля, № 129 (153), 1.
- Ярцев, П.
 1917а 'Искушение хлебом и царством'. *Речь*, 10 (23) сентября, № 213 (3955), 2.
 1917б 'Заметки о театре'. *Наш век*, 1 (14) декабря, № 2, 2.
 1917в 'Собирание театра'. *Наш век*, 23 декабря (5 января), № 21,2-3.

LITERATURE

- Aikhenval'd, Iu.
1918 'Novoe o Pushkine'. *Nash vek*, 17 (4) fevralia, № 27 (52), 5-6.
- Andreevskii, S.
1918 'Iz vospominanii (Petr II'ich Chaikovskii)'. *Nash vek*, 14 (1) iiulia, № 117 (141), 4.
- Batiushkov, F.
1918a 'Krizis russkoi intelligentsii'. *Nash vek*, 2 apreliia (20 marta), № 63 (87), 1.
1918b 'Vechnaia skazka (K 20-letiiu smerti Vs. M. Garshina)'. *Nash vek*, 7 apreliia (25 marta), № 67 (91), 5.
1918c 'Znachenie V. G. Korolenko v nashi dni (Po povodu 65-letiiia rozhdeniia)'. *Nash vek*, 28 (15) iiulia, № 129 (153), 2-3.
- Benua, A.
1917a 'Sady i parki'. *Rech'*, 3 (16) ianvaria, № 2 (3744), 2.
1917b 'Russkii neoklassitsizm'. *Rech'*, 6 (19) ianvaria, № 5 (3747), 2.
1917c 'O kinematografe'. *Rech'*, 27 ianvaria (9 fevralia), № 25 (3767), 2.
1917d 'Postanovka "Kamennogo gostia" na kazennoi stsene'. *Rech'*, 3 (16) fevralia, № 32 (3774), 2.
1917e 'Chudesa i blagorazumie'. *Rech'*, 1 (14) apreliia, № 77 (3819), 3.
1980 *Moi vospominaniia: V 2 t.* Moskva, 1980, t. 1, 3-711.
- Bunin, I.
1918 "'U vorot Siona, nad Kedronom...". *Nash vek*, 4 maia (21 apreliia), № 89 (113), 3.
- Bush, V.
1918 'Ob obrazovanii narodnom (Triuizmy k predstoiashchemu uchebnomu godu)'. *Nash vek*, 27 (14) iiulia, № 128 (152), 1.
- Chukovskii, K.
1917 'Detskie vospominaniia Nekrasova'. *Nash vek*, 24 dekabria (6 ianvaria), № 22, 4.
- Chulkov, G.
1917 'Osia (Rasskaz)'. *Rech'*, 12 (25) fevralia, № 41 (3783), 2.
- Derman, A.
1917 'Staroe i novoe u Bunina ("Gospodin iz San-Frantsisko", sbornik)'. *Rech'*, 23 ianvaria (5 fevralia), № 21 (3763), 2.
- Durrant, John Stuart
1994 'Po materialam arkhiva D. V. Filosofova'. *Litsa*, № 5, 444-459.
- Eikhenbaum, B.
1918 'Pamiati S. A. Nikol'skogo'. *Nash vek*, 28 (15) iiulia, № 129 (153), 1.

Filosofov, D.

- 1917a 'Literatura ili kul'tura'. I. *Rech'*, 8 (21) ianvaria, № 7 (3749), 3.
 1917b 'Literatura ili kul'tura?' II. *Rech'*, 12 (25) ianvaria, № 10 (3752), 3.
 1917c 'Chelovek i kniga'. *Rech'*, 16 (29) ianvaria, № 14 (3756), 3.
 1917d 'Teoriia i praktika'. *Rech'*, 23 fevralia (8 marta), № 51 (3793), 2.
 1917e 'Tsarskoe imushchestvo i narod'. *Rech'*, 10 (23) marta, № 59 (3801), 2.
 1917f 'Dukha ne ugashaite'. *Rech'*, 14 (27) marta, № 62 (3804), 3.
 1917g 'Zolotyie sny'. *Rech'*, 1 (14) april'ia, № 77 (3819), 3.
 1917h 'Pod podozreniem'. *Rech'*, 5 (18) sentiabria, № 208 (3950), 1-2.
 1917i 'Predosterezhenie'. *Rech'*, 6 (19) oktiabria, № 235 (3977), 2.
 1917k 'Pshenichnyi khleb'. *Rech'*, 22 oktiabria (4 noiabria), № 249 (3991), 5.
 1917l 'Vrag naroda'. *Rech'*, 1 (14) dekabria, № 2, 1.
 1918a 'Posle panikhidy'. *Nash vek*, 16 (29) ianvaria, № 10 (35), 1.
 1918b 'Utro o Rossii'. *Nash vek*, 21 ianvaria (3 fevralia), № 15 (40), 2.
 1918c 'Sumerki'. *Nash vek*, 21 (8) fevralia, № 30 (54), 1.
 1918d 'To bylo ranneiu vesnoi'. *Nash vek*, 26 (13) marta, № 57 (81), 2.
 1918e 'Skify'. *Nash vek*, 31 (18) marta, № 62 (86), 2.
 1918f "'Segodnia'". *Nash vek*, 31 (18) marta, № 62 (86), 6.
 1918g 'Skvernyi anekdot'. *Nash vek*, 3 maia (20 april'ia), № 88 (112), 1.
 1918h 'Barometr'. *Nash vek*, 11 maia (28 april'ia), № 93 (117), 1.
 1918i 'Neozhidannaia vstrecha'. *Nash vek*, 16 (3) iun'ia, № 94 (118), 1.
 1918k 'Istoriia i natsiia'. *Nash vek*, iul'ia (19 iun'ia), № 106 (130), 2.
 1918l 'Zhena pisatel'ia'. *Nash vek*, 24 (11) iul'ia, № 125 (149), 2.
 1918m 'Staryi i novyi khleb'. *Nash vek*, 2 avgusta, № 133 (157), 2.

Grevs, I.

- 1917 'Zaniatie Smol'nogo instituta'. *Rech'*, 1917, 2 (15) avgusta, № 179 (3921), 2.
 1918a 'Za dukhovnuiu kul'turu Rossii'. *Nash vek*, 23 ianvaria (5 fevralia), № 16 (41), 1.
 1918b 'Gibel' odnogo kul'turnogo dela'. *Nash vek*, 21 (8) april'ia, № 79 (103), 5.

Gurevich, L.

- 1917a 'Teatr i sobyt'ia nashego vremeni'. *Rech'*, 5 (18) fevralia, № 34 (3776), 4.
 1917b 'Soiuz pisatelei'. *Rech'*, 19 marta (1 april'ia), № 67 (3809), 3.

Iartsev, P.

- 1917a 'Iskushenie khlebom i tsarstvom'. *Rech'*, 10 (23) sentiabria, № 213 (3955), 2.
 1917b 'Zametki o teatre'. *Nash vek*, 1 (14) dekabria, № 2, 2.
 1917c 'Sobiranie teatra'. *Nash vek*, 23 dekabria (5 ianvaria), № 21, 2-3.

-
- Iretskii, V.
1917 'Kniga (Vместo nekrologa)'. *Rech'*. 2 (15) iunia, № 127 (3869), 3.
- Karatygin, V.
1918 'Pamiati N. A. Rimskogo-Korsakova (K 10-letiiu so dnia ego smerti)'. *Nash vek*, 21 (8) iunia, № 98 (122), 2.
- Kholikov, A.; Korostelev, O.
2017 "'S Bogom ili protiv Boga dolzhna stroit'sia podlinnaia che-lovecheskaia kul'tura?..": Po materialam publitsisticheskikh vystuplenii D. V. Filosofova revoliutsionnykh let (1917-1918)'. *Izvestiia RAN. Serii literatury i iazyka*, t. 76, № 6, 25-35.
2018a 'Kul'tura i religiia: Stat'i D. V. Filosofova revoliutsionnoi epokhi'. *Literatura i filosofii – postrevoliutsionnye metamorfozy i transformatsii smyslov: K 100-letiiu Oktiabr'skogo perevorota*. Sost. E. Takho-Godi, Moskva, 485-508.
2018b "'Nechto pessimisticheskoe": obshchestvenno-politicheskie vzgliady D. V. Filosofova v publitsistike revoliutsionnykh let (1917-1918)'. *Novyi filologicheskii vestnik*, № 1 (v pechati).
- Kokovtsov, D.
1917a 'Poety i revoliutsiia'. *Rech'*, 10 (23) iunia, № 134 (3876), 7.
1917b 'Russkaia lirika v 1917 g'. *Nash vek*, 31 dekabria (13 ianvaria), № 26, 6.
- Kotov, B. S.
2014 'Gazeta "Rech"' v dni iul'skogo krizisa 1914 goda'. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, № 37 (4), 9-16.
- Lerner, N.
1918 'Novootkrytye stikhi Pushkina (Okonchanie "Iudifi")'. *Nash vek*, 4 maia (21 apreliia), № 89 (113), 3.
- Levinson, A.
1918 "'Grafika ili illiustratsiia? (O krasote knigi)". *Nash vek*, 1 avgusta, № 132 (156), 2.
- Merezhkovskii, D.
1917 'Dekabristy (glava iz novogo romana D. S. Merezhkovskogo)'. *Nash vek*, 24 dekabria (6 ianvaria), № 22, 1-2.
1918 '14 dekabria (Otryvok)'. *Nash vek*, 4 maia (21 apreliia), № 89 (113), 3-4.
- M. R.
1918 'Utro "O Rossii"'. *Nash vek*, 24 ianvaria (6 fevralia), № 17 (42), 2.
- Nobelevskie laureaty*
1917 'Nobelevskie laureaty'. *Nash vek*, 6 (19) dekabria, № 6, 2.
- Ol'denburg, S.
1918 'Krasnyi Krest, nauka i prosveshchenie'. *Nash vek*, 14 (1) iulia, № 117 (141), 1-2.

-
- P.
 1917 'Korolenko pod tsenzuroi'. *Svobodnaia rech'*. 21 noiabria (4 dekabria), № 2, 3.
- Remizov, A.
 1917 'Tsar' Aggei. Starinnaia legenda'. *Nash vek*, 31 dekabria (13 ianvaria), № 26, 2.
 1918 'Zolotoe podorozhie. Elektrumovye plastinki'. *Nash vek*. 4 maia (21 apreliia), № 89 (113), 4.
- Rostislavov, A.
 1917a 'Vystavka etiudov'. *Nash vek*, 7 (20) dekabria, № 7, 2.
 1917b 'Peredvizhnaia vystavka'. *Nash vek*, 10 (23) dekabria, № 10, 2.
 1917c 'Pamiatnik monarkhizma i revoliutsiia (Tavricheskii dvorets)'. *Nash vek*, 17 (30) dekabria, № 16, 2.
 1918 'Aleksandro-Nevskaia lavra'. *Nash vek*. 26 ianvaria (8 fevralia), № 19 (44), 1-2.
- Tomashevskii, B.
 1934 'Izdaniia stikhotvornykh tekstov'. *Literaturnoe nasledstvo*, t. 16/18, 1055-1112.
- Veber, G.
 1918 'Rodnaia i vseobshchaia istoriia v srednei shkole'. *Nash vek*, 17 (4) iiulia, № 119 (143), 2.
- Vengerov, S.
 1917 'Russkaia literatura v srednei shkole, kak istochnik idealizma'. *Rech'*, 9 (22) ianvaria, № 8 (3750), 2.
 1918 'Pisarev'. *Nash vek*, 17 (4) iiulia, № 119 (143), 1-2.
- Zelenkova, E.
 2013 'Ob odnoi literaturnoi mistifikatsii: S. Bobrov – avtor okonchaniia pushkinskoi "Iudifi"'. *Russkaia filologiiia*. 24. *Sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov*. Tartu, 169-176.
- Zelinskii, F.
 1918 'Chelovek Evripida i Shekspira'. *Nash vek*, 26 (13) iiulia, № 127 (151), 2.
- Zhirmunskii, V.
 1918 "'Belaia staia"'. *Nash vek*, 30 ianvaria (12 fevralia), № 22 (47), 5.